

МИР МУЗЕЯ

издается
с 1931 года

THE WORLD
OF MUSEUM

№ 445
СЕНТЯБРЬ | 2024

иллюстрации — исторический и художественный журнал

Русский Афон

Об исторической и культурной специфике Соловков рассказывает **Татьяна Матасова**, специалист по русскому Средневековью, доцент Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, сотрудник Соловецкого морского музея.

БЕСЕДОВАЛА КСЕНИЯ СЕРГАЗИНА

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА, когда вы впервые попали на Соловки?

Татьяна Матасова: Мы с Наташей Копытовой и Люсей Горюшкиной были первыми экскурсоводами Соловецкого морского музея, в 2007 году приехали вести экскурсии. Было такое воодушевление, которое осталось с нами на всю жизнь.

На нашей кафедре были связи с Соловецким музеем-заповедником ещё с советского времени. Алексей Владимирович Лаушкин вышел из соловецких экскурсоводов. На нашей кафедре много лет работал профессор **Николай Сергеевич Борисов** (р.1950), мой научный руководитель, научный руководитель Алексея Владимировича и многих других медиевистов. Он организовал соловецкую практику для студентов истфака, на кото-

рую в основном ездили студенты с нашей кафедры. Среди студентов был Алексей Владимирович, который так полюбил Соловки, что в итоге стал одним из тех, кто стоял у истоков создания Товарищества Северного мореходства, одним из главных проектов которого стал Соловецкий морской музей.

В 2007 году Алексей Владимирович прочитал первый раз свой спецкурс в МГУ по истории Соловецкого монастыря и морскому наследию Русского Севера. Те студенты, кто сдал этот спецкурс лучше других, имели счастливую возможность попасть на Соловки в качестве экскурсоводов. Это был один из самых важных экзаменов в моей жизни. Я к нему так готовилась, как редко к какому экзамену готовилась. Я прочитала всю обязательную литературу, всю допол-

Вверху: Прибрежные травы и морской простор на Соловках. Сентябрь 2022 г.

нительную литературу, сходила во все музеи в Москве, где есть соловецкие предметы. Создатели Соловецкого морского музея тоже были очень взволнованы накануне открытия. Я хорошо помню день открытия музея, то невероятное воодушевление и атмосферу счастья и какого-то глубинного единства. Это воодушевление, эта любовь к Соловкам мне сразу передались.

Я давно мечтала попасть на Соловки, но мне казалось, что это необычайно сложно, что такой нежной девушке, как я, одной туда никак не добраться, поэтому я искала какие-то возможности поехать с компанией. И когда объявили спецкурс, я поняла, что это мой шанс. Эта поездка, этот опыт изменил мою жизнь. Я воцерковилась после первой поездки на Соловки, и в целом моё мировоззрение изменилось. Я ехала туда туристкой, а вернулась почти что паломницей (и на следующий год приехала уже с длинной юбкой). Тогда мне был 21 год.

Для меня Соловки были началом большого пути на Север. У меня было потом много поездок на Соловки, несколько довольно основательных

поездок на Кольский полуостров — я открыла для себя и Терский берег, и Баренцево побережье. Я бывала в монастырях, которые основали выходцы из Соловецкого монастыря в других частях Русского Севера. У меня была мечта посетить Трифонов Печенгский монастырь — и минувшим летом она сбылась. Мне хотелось побывать в Умбе, в Варзуге, в Ковде — во всех поморских сёлах, которые так или иначе фигурируют в соловецких документах, где сохранились или не сохранились памятники старины. В Беломорске, например, ничего не сохранилось, но это важное место для соловецкой истории — у устья реки Выг скончался преподобный Савватий. Именно там, в келье, он воскурил кадильницу, и его предсмертные молитвы, как это показано на миниатюрах, сопровождали удивительные ароматы...

■ И теперь ваши Соловки какие? Что это? Кто это? Где это?

Татьяна Матасова: Мои Соловки многогранные. В первую очередь это Соловецкий морской музей — место притяжения. Именно с создателей музея — потому что музей это не экспонаты, а люди — начались мои Соловки. Создатели музея стали для меня вообще важными ориентирами в жизни, это мои друзья, которыми я неизменно восхищена.

Соловки — это монастырь. Без монастыря, без активной, подлинной монастырской жизни Соловки представить себе невозможно. Отец Павел Флоренский в статье «Храмовое действо как синтез искусств» 1918 года — когда пытался спасти от осквернения и закрытия Троице-Сергиеву Лавру — писал, что даже если делать из Лавры музей, то это должен быть живой музей — вместе с монахами и богослужениями. Этими идеями он предвосхитил своё время, потому что сегодня есть такой тренд в музейном деле: делая музей, ты должен или воссоздать повседневность, или показать сохранившееся подлинное (пусть и небольшое) — как это сделали в музее «Полторы

О себе

Меня зовут Татьяна Александровна Матасова. Я кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ, который и окончила. Занимаюсь историей русско-итальянских связей эпохи Средневековья и историей культуры Русского Севера.

комнаты» в Петербурге. То есть или полноценное воссоздание жизни, или подлинные остатки навсегда ушедшей жизни.

Конечно, Соловки — это лес. Часто я хожу в лес не для того, чтобы дойти до скита или до какого-то исторического места, я иду в лес ради леса. Лес и море, берег, шум морских волн, звуки и ароматы северного леса — всё это мне очень важно.

■ Если лес, то какой? Где войдёте в лес, в какой точке?

Татьяна Матасова: У меня есть любимая дорога — на мыс Печак, на юге Большого Соловецкого острова. Там меньше всего достопримечательностей, практически нет. Если пешком, то это точно путешествие на весь день, если на велосипеде — то на большую часть дня. Особенно если хочется там что-то почувствовать, что-то узнать о себе и о природе, которая тебя окружает. Там по пути есть вересковая пустошь, вереск цветёт на фоне белого мха, в отдалении шумит море. Иногда я не доезжала до мыса, оставалась на вересковом поле и лежала там, смотрела в небо. Это очень дорогие для меня воспоминания и дорогие для меня чувства, которые всегда со мной. И дома я каждое утро смотрю на засушенный вересковый букет. Сейчас это вереск с Кольского полуострова, но первые букеты вереска я привозила с Соловков.

■ Как же вернуться с Соловков без вереска, в самом деле...

Татьяна Матасова: И я всегда привожу с Соловков букеты из разных прибрежных трав, даже засушенных. У меня есть такой жанр фотографий, которые я делаю в Соловках, — прибрежные травы и море. Я могу очень много времени провести на каком-нибудь отдалённом пустынном берегу, в каком-нибудь таком месте, где я никого не встречу. Мне очень не хватает в городе общения с самой собой, а Соловки дают такую возможность. В том числе и потому, что Соловки — очень безопасное место. В подмосковный лес я одна не пойду.

Ещё одно место из любимых — это Реболда, сезонный посёлок драгировщиков (сборщиков ламинарии. — *Прим. ред.*) в северо-восточной части Большого Соловецкого острова. Там раньше был причал — самый короткий путь на Анзер. И остались деревянные амбары, совершенно непримечательные внешне, обычные, не в самом лучшем состоянии. Но это амбары, которые стоят там с рубежа XIX–XX веков. Там была часовня, была очень хорошая инфраструктура. Много исчезло в эпоху лагеря и потом, позже, а амбары остались. Нашим студентам на лекциях я не просто рассказываю про эти амбары, а их показываю на фотографиях и говорю, что, если мы их перевезём как важные памятники, например, во двор Московского университета, то эти амбары превратятся сначала в помойку, а потом в пепел. Амбар из Реболды совершенно потеряется в атмосфере большого города, но он совершенно необходим именно там, на ветру, на дальнем берегу Студеного моря. Это зримое и очень важное

Лес и море, берег, шум морских волн, звуки и ароматы северного леса — всё это мне очень важно.

Я считаю, травма сталинских репрессий в нас во всех живёт, память общества об этом не изжита, не проработана, она влияет на каждого из нас.

свидетельство богатой и таинственной жизни монастыря, где хозяйственные заботы и жизнь духа переплелись весьма тесно. И эти свидетельства можно по-настоящему ощутить только «под жемчужно-восковым небом Севера» (как писал Борис Шергин), после живописной, но долгой дороги к этим амбарам.

Атмосфера дальних соловецких скитов совершенно непередаваема. Пожалуй, единственное место, до которого я ещё не добралась, это дальняя губа Сосновая, связанная с началом иноческой жизни на Соловках, с именами преподобных Савватия и Германа Соловецких. Там был крест, по преданию поставленный самими преподобными. Туда можно от Реболды по отливу пройти, и есть отдельная дорога. Но сейчас там ничего старинного не сохранилось, но место важное.

Почему я не называю Муксалму и дорогу на Секирную гору? Эти дороги для меня тоже очень важны, но там непременно встретишь туристов. Почему я не выделяю лодки? Дело в том, что я, как ненастоящая поморка, так и не научилась грести.

■ А Соловки глазами медиевиста какие? Чем примечателен монастырь? Есть ли у него особенная роль, особая привлекательность по сравнению с другими монастырями? В чём его ценность для государства?

Татьяна Матасова: У Соловков много эпитетов: Духовная твердыня Беломорья, Русский Афон, Русская Голгофа. Соловки — особое место на карте России, и этот монастырь ни с чем нельзя сопоставить, нельзя сказать, что есть монастыри в чём-то похожие. Есть монастыри по ряду параметров сходные — Кирилло-Белозерский или Антониево-Сийский монастырь, до известной степени — Трифонов монастырь на Кольском полуострове... Есть монастыри отдалённые, есть крупные — по этим двум параметрам можно найти аналоги Соловкам. Но это отдалённые аналоги.

Соловки уникальны. Это ведь был не просто монастырь, основанный где-то далеко, это был монастырь, основанный там, где фактически не было русской культуры и русского мира. Только после основания монастыря начинается активная колонизация этих мест.

Конечно, мы знаем, что Белое море было известно новгородцам и раньше, что они там промышляли — охотились, ловили рыбу с большим успехом, — но постоянных поселений там почти не было. Соловецкий монастырь стал локомотивом развития региона. Более того, поморской культуры, которую мы все знаем и любим, просто не было бы в привычном нам виде, если бы не было Соловецкого монастыря. В монастыре было очень много чего придумано такого, что потом стало важной частью культуры Беломорья. И я имею в виду не только технологические усовершенствования или наиболее удачные способы организации промыслов, я имею в виду многие идеи из текстов, которые были созданы на Соловках или активно читались на Соловках: Шестоднев, Толковая Палая и другие. Соловецкая библиотека — одна из главных библиотек Русского Севера. Она сопоставима, пожалуй, только с библиотеками Антонио-Сийского и Кирилло-Белозерского монастырей. Сюжеты, образы и смыслы из соловецких рукописей мы встречаем в памятниках северного фольклора.

Если говорить об архитектуре, я бы выделила Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, тоже уникальный. Его прототип — Успенский собор Московского Кремля, построенный болонским архитектором Аристом Фиораванти в 1479 году, с возведения которого начинается новая страница в истории русской архитектуры. Большинство крупных соборов XVI и XVII века — это ориентация на собор Фиораванти. Но Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря особенный. В нём оригинально развиты

итальянские традиции, там есть, как принято говорить, идея шатра или идея маяка, и именно поэтому он здорово виден с моря, и это, конечно, ориентир очень значимый.

Неслучайно многие мои друзья и коллеги говорят, что Соловки — это не просто место, это образ и символ. Образ и символ очень многих вещей, возвышенных и радостных в первую очередь.

Но, конечно, есть у Соловков и другая грань. Лагерь. Вообще, я считаю, травма сталинских репрессий в нас во всех живёт, память общества об этом не изжита, не проработана, она влияет на каждого из нас. Для общества лагерная тема принадлежит к числу наиболее актуальных.

■ Многие из тех, кто едет на Соловки, едут сюда в память о лагере?

Татьяна Матасова: Да, очень многие. И мне кажется, это очень важно. Но я уверена, что неправильно выделять какую-то одну сторону Соловков. Как только ты выделяешь одно, ты как бы отодвигаешь на задний план другое. А это в корне неверно, ведь этапы соловецкой истории равнозначны. Ни уникальная домонастырская история, ни потом яркая история Соловецкой обители не должны заслонить ужасы соловецкого лагеря, но и ужасы соловецкого лагеря тоже не должны заслонить многообразную соловецкую историю более раннюю, необычайно древнюю. Вообще стоит помнить о домонастырской истории, мы о ней иногда как-то забываем, а очень зря. Ведь преподобные понимали, что пришли в особое пространство, со своими страстями и тайнами: не преподобные открыли остров, но они своими трудами и молитвами сущностно изменили его, остров превратился из смутного демонического и маргинального места в благодатное и светлое, как писали книжники XVII века, «как звезда в небеси сияющее». Не случайно ведь монастырь Спасо-Преображенский. Вообще, образ преобразования в широком смысле для Соловков ключевой.

■ Татьяна Александровна, символ, бренд Соловков лично для вас — это что?

Татьяна Матасова: Я не бренд-менеджер. Мне кажется, что основная линия Соловков сегодня — монастырская. Поэтому что вне монастыря современные Соловки и вообще Соловки невозможно себе представить. Монастырь — это как бы сверхтема Соловков: и лагерь связан с закрытием монастыря, и современная жизнь связана с возрождением монастыря, и дохристианские Соловки превратились в христианские благодаря монастырю. Так что если говорить о брендах, должна быть символика, где бы обыгрывался монастырь. Причём не просто стены и башни, как любили в советское время, а монастырь как выдающийся христианский комплекс — со святынями, с мощами, с подвижниками, с их

Соловки — это место, где можно и нужно замедлиться.

образом жизни. Без этого Соловки неправильно представлять.

■ Сколько дней вы советуете провести на Соловках для начала?

Татьяна Матасова: Соловки — это не просто пространство, в котором можно пройти от одной достопримечательности до другой. Здесь ходишь не так, как в центре какого-нибудь крупного города. Здесь совершенно иначе течёт время и по-другому ощущается пространство. Поэтому я совершенно не могу внутренне принять поездки на Соловки длиной в три дня или в пять дней. Мне кажется, что если у тебя нет времени, то минимум на

Соловках — это семь-десять дней, а если время есть, то 20–30 дней, не меньше. Особенно когда приезжаешь сюда впервые. Нужно много времени на спокойное созерцание. Соловки — это не только место подвига, преодоления себя, подъёма в пять утра, чтобы попасть на остров Анзер или на братскую молитву или чтобы поймать рассвет в камеру, это время и пространство для того, чтобы прекратить бег, наконец. Это особенно важно для нас, жителей больших городов, сумасшедших, с перезабытыми графиками, с кучей дел, которые кажутся важными... Соловки — это место, где можно и нужно замедлиться. □

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

«Студенты стали более эмоциональны»

ТАТЬЯНА МАТАСОВА ■ МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

СОВРЕМЕННЫЕ СТУДЕНТЫ СОВЕРШЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ. Им многое интересно, они многое могут, многого хотят и готовы прикладывать серьёзные усилия на пути к своим целям. Конечно, таковы не все, но подавляющее большинство. Я решительно не разделяю мнение, что студенты «стали слабее», «менее мотивированы», «меньше читают» и так далее. Просто они уже читают и смотрят другое, но ведь и то, что люди читали и смотрели 30–40 лет назад, не вполне совпадало с тем, что казалось важным смотреть и читать 50–70 и тем более 100–120 лет назад. Студенты за последние несколько десятилетий действительно изменились. Мне кажется — во всяком случае, я очень хочу в это верить! — они становятся всё более свободными. Под этим я подразумеваю, что они стремятся понять, что для них важнее и лучше, и потому предпочитают не ввязываться в то, что им совсем неприятно (не неприятно и сложно, а именно неприятно). Они просто не будут

слушать преподавателя (даже самого именитого и признанного), который, например, любит патетически восклицать: «Как же вы этого не знаете (не читали)!» Они не потерпят пренебрежительного отношения к себе. Сегодняшние студенты уже не будут делать что-то просто потому, что им сказали, что «так нужно» или «так принято», или что «таковы традиции». Но если им объяснить, почему эти традиции сложились, почему целесообразно делать именно так — они непременно выполнят задание, и большинство будет искренне стараться. А некоторые традиции, существование которых было оправдано раньше, сегодня не вполне актуальны, и это повод уже не студентам, а нам, преподавателям, менять подходы, методики, системы мотивации.

Современные студенты не всегда умеют пользоваться этой осознаваемой ими внутренней свободной, но они этому учатся. И наша глобальная задача состоит в том, чтобы им помочь.

Я совершенно уверена, что постигать гуманитарные дис-

Студенты истфака МГУ.

цена магистерская диссертация, в центре которой — свидетельства об ароматах в памятниках русского средневековья. Популярны и темы, связанные с изучением восприятия разными людьми или сообществами тех или иных процессов. Например, восприятие труда (личного и в разные периоды коллективного), святости, социальных кризисов и так далее.

циплины невозможно без активной рефлексии о себе и окружающем мире, без постоянного развития самооощения во времени и пространстве.

Наши студенты всё чаще погружены в изучение собственного внутреннего мира. Мне кажется, студенты стали более эмоциональны (и способны учитывать свои чувства в процессе работы) — и это хорошо. И, кстати, ребята всё чаще выбирают темы, связанные с ощущениями — в их историческом измерении. Например, под моим руководством в этом году была защи-

Мне кажется, для студентов стала более важна яркая подача материала. Им важно не просто слушать «что-то очень полезное», но важно видеть в преподавателе интересную личность, которой они хотели бы в чём-то подражать («Хочу уметь, как он (она)»). И задача преподавателя — не только продемонстрировать свои знания, но и дать понять, что каждый из студентов может так же или ещё лучше. Студентам с каждым днем всё важнее осознавать, как именно они могут применить на практике всё то, чему мы их учим. □